

“почти все молодые иранцы хотят стать кинорежиссерами”

В Москву на ретроспективу своих фильмов приехал один из наиболее известных в мире иранских кинорежиссеров Маджид Маджиди. О том, что привело его в кинематограф и что сделало иранское кино настолько популярным в мире, Маджид Маджиди рассказал корреспонденту Газеты Игорю Потапову.

Вы начали выступать как профессиональный актер вскоре после исламской революции, в 1979 году. Вы уже тогда предполагали, что будете работать в кино?

Я учился в театральном институте, и мы с друзьями давно интересовались кино. А после революции поняли, что как раз в кино сможем себя лучше всего выразить. Раньше киноиндустрия в Иране была закрытой мафиозной структурой, но вскоре после революции молодежи стало легче войти в эту профессию. Нас было несколько единомышленников, мы создали что-то вроде творческой группы. Например, вместе со мной в этой группе тогда был и Мохсен Махмальбаф, другие тоже стали режиссерами, но не настолько известными за рубежом, как он. Все началось как простое увлечение кино: мы ничего не знали о кинопроизводстве, просто смотрели вместе фильмы, обменивались книгами, начали снимать короткометражки. Мы распределили между собой роли, и было решено, что я — с моим театральным образованием — буду актером. Но мне не очень нравилось выступать в качестве актера: мне скорее хотелось переносить на экран свой внутренний мир, а не подчиняться чужим указаниям. Поэтому я воспринимал актерство только как дорогу к режиссуре.

Что послужило толчком к созданию первого собственного фильма?

До революции иранское кино былоальным — плоские темы, пустые фильмы, очень похоже на развлекательный индийский кинематограф. Мы с друзьями считали, что надо лечить это кино — чем быстрее, тем лучше. И первый свой полнометражный фильм я снял, как только у меня появилась возможность выступить с самостоятельным проектом.

У вас и у других иранских режиссеров очень часто снимаются актеры-непрофессионалы. С чем это связано?

Я люблю последовательность — подготовить актеров, снять, смонтировать, выпустить. С непрофессионалами трудно возвращаться к уже сыгранным сценам, чтобы переснимать заново, и это мне нравится. У меня есть свои методы работы с непрофессионалами — например, в фильме «Дождь» те, кто изображал строительных рабочих, должны были полтора месяца проработать на стройке, чтобы войти в образ. Иногда я не показываю сценарий своим актерам до самого последнего момента, чтобы у них было больше возможностей для импро-

Маджид
Маджиди —
Газете

Маджид Маджиди:
«Если режиссер будет
искренним, он найдет
своего зрителя»

визации, чтобы объективная реальность фильма лучше соответствовала личности актера. Но я всегда считал, что отсутствие в фильме профессиональных актеров не должно вынуждать меня смотреть на процесс съемок непрофессионально. Те, кто находится за кадром, должны быть профессионалами высочайшего класса. Я всегда работаю с лучшими мастерами. Например, мои фильмы «Дождь» и «Цвет бога» получали за рубежом призы не только за режиссерскую, но и за операторскую работу.

Ваши фильмы объединяет тема детства. Это вызвано какими-то личными переживаниями?

Детство — тот период в жизни человека, который определяет его личность. Я сам из бедной семьи, и у меня есть чувство ностальгии по тем временам, когда я был в том же возрасте, что и мои герои. Например, фильм «Дети небес» полностью основан на моих воспоминаниях и снимался на тех улицах, по которым я бегал ребенком. К тому же в театральном училище я специализировался в области детского театра, поэтому я знаком с детской психологией еще и с профессиональной стороны. Я считаю, что мир детей гораздо чище мира взрослых, и истории о детях я использую, чтобы рассказывать взрослым какие-то важные вещи.

В нашем кино лучшие детские фильмы появились в советские времена, в 1960—1970-е годы. Многие выдающиеся режиссеры использовали детское кино как способ обойти цензуру. Можно ли эту ситуацию сравнить с иранской? Сейчас в Иране в год снимается от 70 до 90 полнометражных фильмов, и примерно 10% из них — о детях. Как раз эти филь-

мы чаще всего уезжают за рубеж на разные фестивали. Конечно, в Иране есть цензура, но это не главный фактор того, что так часто появляются хорошие фильмы о детях. Одна из причин — существование такой организации, как Центр детского и юношеского кино. Там работают профессионалы высокого уровня, и многие талантливые режиссеры — например, Аббас Киаростами — начинали работать именно там.

На западные фестивали чаще всего попадают иранские фильмы, жанр которых можно определить как «драма». А как в Иране обстоит дело с развлекательными жанрами — комедия, детектив, триллер? Я бы сказал, что кино в Иране делится на три категории. Первая — развлекательное кино, ко-

Газета

раскрасил небеса

Иранский кинорежиссер Маджид Маджиди родился в 1959 году в Тегеране и уже с двадцатилетнего возраста начал выступать на профессиональной театральной сцене. С начала 1980-х снимается в кино, в том числе в фильмах другого классика иранского кино — Мохсена Махмальбафа, и пробует себя в качестве режиссера короткометражных лент. Первая полнометражная работа — фильм «Бадук» (1991). Среди его наиболее известных картин — «Отец» (1995), «Дети небес» (1996), «Цвета рая» (1998), «Дождь» (2000). В 1997 и 1999 годах Маджид Маджиди дважды получал приз за лучший фильм на кинофестивале в Монреале.

торое снимается для денег. В нем есть те же жанры, что и на Западе. Вторая — кино на заказ, для государственных организаций, которые финансируют съемки. И третья — авторское кино, которое я предпочитаю называть «самостоятельный» кино. Его делают люди, которые сами пишут сценарии, сами режиссируют, сами находят деньги. Я неоднократно предлагал нашим культурным деятелям, чтобы в рамках ретроспектива иранского кино за рубежом показывали фильмы разных жанров, но они обычно отбирают те картины, которые уже побывали на иностранных фестивалях. А в сознании отборщиков зарубежных фестивалей уже устоялось, что именно такое иранское кино будет понятно западному зрителю.

Но это часто приводит к тому, что молодые режиссеры стараются снимать фильмы, которые соответствовали бы этим ожиданиям, и есть даже что-то вроде соревнования — чей фильм раньше попадет на престижный кинофестиваль. В последнее время я думаю, что фестивали идут во вред иранскому кино.

Есть фильмы, которые сняты так, что и не понятно, в какой стране происходит действие, нет иранской самобытности. А бывает, что режиссер снял фильм, вывел его за рубеж, а потом оказывается, что этот фильм для него последний: ему больше нечего сказать.

Чем можно привлечь иранскую публику в кинотеатры? Что должно быть написано на афише, чтобы зритель пришел в кино?

Не знаю. Мой принцип — режиссер должен верить в то, что он снимает. Если режиссер будет искренним, он найдет своего зрителя.

В последнее время все больше иранских режиссеров снимают кино в Афганистане или про афганских беженцев в Иране. Есть даже мнение, что они ищут в Афганистане остроту ощущений, которой им не хватает в стабильном Иране. Согласны ли вы с этим?

Афганцы живут в Иране уже около тридцати лет; по неофициальным данным, их почти три миллиона. Они стали нашими соседями и героями наших фильмов, а после событий 11 сентября внимание наших режиссеров привлекли события и в самом Афганистане — вот почему свои фильмы про эту страну сняли Мохсен Махмальбаф и Абульфаз Джалили. В каком-то смысле это наш долг: пока у афганцев нет своего кино, которое показывало бы их положение, надо снимать фильмы про их жизнь, рассказывать об их проблемах во всем мире. Я сам снял документальный фильм про падение режима талибов. Мы как раз были в Герате во время американских бомбардировок, и это одно из самых сильных впечатлений моей жизни — сколько невинных людей нашло свою смерть! Кстати, американская компания Miramax, у которой контракт на прокат моих фильмов в США, отказалась от прав на этот фильм. Это была такая «уважительная цензура», когда мне дали полную свободу в распространении кино, но при этом — никакой поддержки. С другой стороны, возвращаясь к теме Афганистана, иногда есть ощущение, что об этом снимают так много фильмов еще и потому, что это модно. Сейчас то же самое происходит с Ираком, многие иранские режиссеры поехали туда: вот, например, Бахман Гобади делает уже третий фильм об Ираке. Я не хочу, чтобы обо мне говорили, что я выбрал какую-то тему для того, чтобы прославиться, поэтому я решил, что следующий свой фильм про Ирак или Афганистан сниму тогда, когда там жизнь нормализуется и снимать про это будет ненужно.

После того как четырнадцатилетняя младшая дочь Махмальбафа сняла свой первый документальный фильм, появилась шутка о том, что скоро надо ожидать фильма, снятого кошкой Махмальбафа. Создается впечатление, что молодые иранские режиссеры делятся на кланы — учеников и наследников Махмальбафа, Киаростами, Джалили. Это действительно так или у молодого поколения есть какая-то общая идеология, стиль, манера?

Все выглядит именно так, как вы описали, это совершенно нормально, когда режиссерами становятся ученики и ассистенты мастеров. Я за то, чтобы молодые режиссеры обучались профессии в процессе съемок, я сам так учился. Но в Иране есть множество тех, кто пришел в кино совершенно самостоятельно. Правда, нельзя сказать, что их что-то объединяет. Вообще среди молодежи снимать кино очень модно, в год выходит почти две тысячи короткометражек. Иран сейчас — самая молодая страна в мире, почти 70 процентов населения у нас моложе 27 лет. И почти все они хотят стать кинорежиссерами. (Смеется.)